

УДК 811.111'373.2:911.375(410-25)

Митькина Е. Н.

ОБРАЗ ЛОНДОНА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию образа Лондона в англоязычных художественных текстах. Многогранность данного образа столицы Великобритании складывается благодаря композиционно-лингвистическим средствам, используемым авторами, а также комплексному подходу к созданию образа Лондона на основе мифопоэтических и культурно-исторических факторов.

Ключевые слова: хронотоп, макроурбанистическое пространство, гендерная дифференциация, полицентричность, архаический образ, транспарентность.

Митькина Е. М. Образ Лондона в англоязычных художественных текстах. – Статья.

Статья посвящена исследованию образа Лондона в англоязычных художественных текстах. Многогранность образа столицы Великобритании складывается благодаря композиционно-лингвистическим средствам, используемым авторами, а также комплексному подходу к созданию образа Лондона на основе мифопоэтических и культурно-исторических факторов.

Ключевые слова: хронотоп, макроурбанистический простор, гендерная дифференциация, архаичный образ, транспарентность

Mitkina Ye. N. The image of London in English literature. – Article.

This article is dedicated to the research of London's image in the English artistic literature. The multi-sided image of Great Britain capital is based on the compositional and linguistic means, used by the English authors, and on the myth and poetics traditions, cultural and historical factors being of great importance.

Key words: chronotop, macro-urbanistic field, gender difference, archaic character, transparency.

Интерес к макроурбанистическим образам в художественной литературе проявляли многие исследователи [1; 2; 3; 4].

Вопросы организации урбанистического пространства в художественном тексте в связи с развитием всё новых направлений в литературе и новых форм организации хронотопа остаются актуальными и сегодня.

Город как макроурбанистическое пространство является неотъемлемой частью многих произведений, создавая культурно-исторический фон художественного текста (ХТ) или выступая в роли одного из действующих лиц наряду с персонажами-людьми.

В настоящей работе мы хотим показать, как складывается многогранный образ столицы Великобритании Лондона в ХТ англоязычных авторов XIX–XX вв., что и определяет объект данного исследования.

Предметом исследования являются конкретные композиционно-лингвистические средства создания образа Лондона в ХТ, а материалом исследования послужили произведения Дж. Пристли, Д. Голсуорси, В. Вулф и других известных писателей XIX – XX вв.

Новизна работы определяется комплексным подходом к созданию образа Лондона с учётом мифопоэтических и культурно-исторических факторов.

Как известно, в гендерном плане город как таковой нередко ассоциируется с женским началом [6; 7; 8].

Многие исследователи считают, что образ города, сравниваемого или отождествляемого с женским персонажем, в исторической и мифологической перспективе представляет собой частный, специализированный вариант более общего и архаического образа Матери-Земли, что предпо-

лагает жесткую связь женского детородного начала с пространством, в котором всё, что есть, понимается как порождение (дети, потомство) этого женского начала [6, 124].

Интересно, что это в полной мере можно отнести к Лондону, который в мифотворческих и исторических контекстах устойчиво ассоциируется с личным местоимением 3 лица единственного числа женского рода «she/her».

Так, у Дж. Тревельяна, известного историка Великобритании, Лондон идентифицируется именно как женское начало:

«London was governed by **her** own freely elected magistrates; policed in so far as **she** was policed at all, by **her** own constables; guarded by her own militia.

She surpassed **her** nearest English rivals, Bristol and Norwich, at least fifteen times in number of inhabitants» (12, 71).

В этом описании Лондона XVIII в. город предстаёт как женская сущность, что актуализируется с помощью целого ряда личных местоимений женского рода (**she; her**).

Однако в современной художественной литературе данный образ, связанный с женским началом, в должной мере не сохраняется и даже меняется на противоположный – маскулинный.

Так, в романе Дж. Пристли Лондон скорее ассоциируется с мужским началом. Более того, он предстаёт в образе своеобразного современного Молоха, который перемалывает своими стальными челюстями хрупкое человеческое существо.

Подобное представление складывается благодаря целому арсеналу различных стилистических средств, прежде всего метафор и сравнений. Лондон у Дж. Пристли – это не просто антураж, фон, а одно из главных действующих лиц, которое во

многим определяет судьбу персонажей-людей, по-разному ощущающих себя в городе.

В начале романа Лондон панорамно показан с точки зрения мистера Голспи, находящегося на судне, которое входит в столицу по Темзе. В сумеречном свете Лондон представляется мистеру Голспи настоящим старым чудовищем:

«And somehow this glimpse of St. Paul's suddenly made him realise that this was the genuine old monster, London» (11, с. 13).

Однако вместе с изменением настроения и воспоминаниями мистера Голспи меняется и образ Лондона. Это уже праздничный и веселый город:

«The sight of London Bridge itself too pleased him now, for all the buses had turned on their lights and were streaming across like a flood of molten gold. They brought another stream of pleasant images into Mr. Golsbie's mind, a bright if broken pageant of convivial London» (11, с. 14).

Праздничность вечернего Лондона передаётся с помощью таких мелиоративных прилагательных, как *bright, pageant, convivial*.

Таким образом, напряжённость ожиданий героя после долгого отсутствия в городе, переданная с помощью описания сумеречного Лондона, сменяется облегчением и даже радостью, которые соотносятся с описанием веселой, ночной жизни столицы.

У Дж. Пристли Лондон открывается своими различными гранями, но показан он не отстранённо, а пропущен через внутреннее «я» одного из действующих лиц.

Интересно, что не только персонаж наблюдает за Лондоном, но и Лондон внимательно всматривается в каждое новое лицо. Не случайно мистер Голспи как бы обменивается напряжёнными и внимательными взглядами с лондонскими зданиями и окнами, которые персонифицируются:

«But he still continued to look at it, and with respect, for the challenge remained, though not to the memory. Both the blind eyes and the lighted eyes of its innumerable windows seemed to answer his stare and to tell him that he did not amount to very much, not here in London. Then his gaze swept over the bridge to what could be seen beyond» (11, 13).

Здесь мистер Голспи и Лондон выступают как два равных персонажа-соперника, бросая вызов друг другу. Этот индивидуально-авторский образ города, как видно из сказанного, далёк от женского начала. Лондон здесь скорее мужчина – конкурент, соперник.

Не менее важен Лондон в системе образов-персонажей и в романе В. Вулф «Дэллоуэй».

Здесь Лондон также остаётся важным звеном в общей содержательно-концептуальной структуре текста.

Лондон у В. Вулф – символ жизни, духовного и эмоционального опыта героев. Это ощущение

динамичности Лондона писательница передаёт через восприятия Кларенс Дэллоуэй:

«In people's eyes, in the swing, tramp, and trudge; in the bellow and the uproar; the carriages, motor cars, omnibuses, vans, sandwich men shuffling and swinging, brass bands; barrel organs; in the triumph and the jingle and the strange high singing of some aeroplane overhead what she loved; life; London, this moment of June» (13, 34).

Эффекта ощущения полноты жизни писательница достигает благодаря приёму калейдоскопического перечисления, где воедино сливаются визуальные и слуховые образы.

Вместе с тем нет никаких оснований считать, что В. Вулф подчёркивает в городе женское начало. С гендерной точки зрения Лондон здесь нейтрален.

В анализируемом романе Лондон полицентричен. Это восприятие города хорошо перекликается с идеей того, что в Лондоне каждый по-своему одинок. Действительно, каждый персонаж романа писательницы существует в своём Лондоне.

Перед читателем предстаёт не просто единый, цельный образ города – он складывается из нескольких образов Лондона, существующих в микромире отдельных персонажей.

У миссис Дэллоуэй – это респектабельный, аристократический Лондон, в микромире Септимуса Смита Лондон предстаёт как пространство выживания.

Эти микромиры переплетаются в книге, пересекаются они и в макропространстве романа, что в целом позволяет создать общую картину города.

Многофокусный показ Лондона даёт возможность прочувствовать его полицентричность, автономность и горизонтальность.

При этом образ имеет двусторонний функциональный характер. С одной стороны, Лондон встраивается в сюжетный мир произведения, выполняя функцию сюжетобразующего элемента. С другой стороны, восприятие Лондона разными персонажами позволяет читателю получить достаточно полную информацию о самом городе культурно-исторического характера.

У Дж. Голсуорси в его знаменитой «Саге о Форсайтах» Лондон предстаёт в поствикторианском образе. Он как бы освобождается от женских «одежек» многолетнего правления королевы Виктории и вступает в эпоху жесткого «мужского» XX в. (правление Георга V). Мужское начало Лондона становится всё более осязаемым в саге, в то время как женское начало отступает на задний план.

Лондон выглядит как мир собственничества, жесткой конкуренции, где нет места сентиментальности и мягкотелости. Лондон у Дж. Голсуорси – это прежде всего мир деловых людей. Вместе с тем писатель, как правило, воздерживается от прямых характеристик Лондона с помощью квалификаторов. Среди наиболее транспарентных в этом

отношении средств можно отметить уподобление Лондона аду в романе «Сдаётся в наём» (To Let):

«There are houses whose souls have passed into the limbo of Time? Leaving their bodies in the limbo of London» (10, с. 69).

Слово *limbo* здесь означает в первом случае «забвение», а во втором – «преддверие ада».

Однако подобные прямые характеристики встречаются в «Саге о Форсайтах» крайне редко. Превалируют косвенные средства, помогающие создать образ достаточно мрачного города. В частности, сюда можно отнести описание Лондона, потонувшего в густом тумане в «Собственнике», а также фрагмент выслеживания молодым Джолионом Боссини, происходящего на улицах тёмной и туманной столицы:

«He (George) had run his quarry to earth on a bench under one of the lions in Trafalgar Square, a monster sphynx astray like themselves in that gulf of darkness» (11, 323).

Редкие случаи описания «просветленного» Лондона встречаются тогда, когда речь идёт об умиротворенном состоянии действующих лиц, в частности Старого Джолиона:

«The day was still and clear and bright, and driving over to Park Lane from Stanhope Gate, old Jolyon had had the carriage open. Sitting back on the padded cushions, finishing his cigar, he had noticed with pleasure the keen crispness of the air, the bustle of the cabs and people; the strange, almost Parisian, alacrity that the first fine day will bring into London streets after a spill of fog or rain. And he felt so happy» (11, с. 361).

В целом же Лондон напоминает у Дж. Голсуорси сдержанного делового джентльмена, не склонного к излишней сентиментальности.

У А. Конан Дойля в его серии рассказов о Шерлоке Холмсе зловещие улицы Лондона противопоставляются домашнему уюту викторианского интерьера, очагу. «Имперский уют – этим оксюморонном в целом можно описать Лондон» [1, 75].

Достаточно показателен в этом отношении следующий фрагмент из рассказа «Пять апельсиновых зёрнышек» («The Five Orange Pips»), где «камину» противопоставлена разыгравшаяся буря:

«It was in the latter days of September, and the equinoctial gales has set in with exceptional violence.

All day the wind had screamed and the rain had beaten against the windows, so that even here in the heart of great, hand-made London we were forced to raise our minds for the instant from the routine of life, and to recognize the presence of those great elemental forces, which shriek at mankind through the bars of his civilization, like untamed beasts in a cage.

As evening drew in, the storm grew higher and louder, and the wind cried and sobbed like a child in the chimney. Sherlock Holmes sat moodily at one side of the fireplace cross-indexing his records of crime, while I at the other was deep in one of Clark Russel's

fine sea-stories until the howl of the gale from without seemed to blend with the text, and the splash of the rain to lengthen out into the long swash of the sea waves» (9, 82).

Выразительное описание непогоды только подчёркивает атмосферу уютного дома на Бейкер Стрит, олицетворением которого является знаменитый камин, возле которого коротают вечера герои А. Конан Дойля.

Мифологемы преступного Лондона-ада – это тьма, туман, сырость. «Туману, – как пишет Вайль, – противопоставлен камин» [1, 74].

В описании Лондона доминируют серые цвета, небо темнеет от дыма, освещаются только главные улицы, зонтики имеют чёрный цвет и т. д.: «Полости слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, прорывавшихся сквозь узкие коридоры света <...> мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий они возникали из мрака и снова погружались во мрак» [1, 74].

Этому внешнему Лондону, где ежедневно происходят какие-нибудь преступления, противопоставлен викторианский интерьер уютного дома миссис Хадсон, в котором пребывают герои А. Конан Дойля.

Представленный краткий обзор некоторых урбанистических фрагментов из художественных текстов в оригинале и переводе позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Вопреки представлению о превалировании женского начала в образах городов, которое восходит к мифологической и библейской традиции, в англоязычных художественных текстах город часто предстаёт как воплощение мужского начала.

Сказанное в полной мере можно отнести и к образу Лондона, который в художественных текстах преимущественно строится как воплощение мужских качеств. Литературный Лондон, как правило, сдержан, суров и порой даже безжалостен к своим обитателям.

Образ Лондона складывается как из прямых атрибутивных характеристик города, так и косвенных, то есть описательных элементов.

Выдвижение на первый план мелиоративных или пейоративных оценок города во многом определяется индивидуальными психологическими особенностями субъекта наблюдения и описания (нарратора или персонажа), его настроением или жизненными установками.

Дальнейшее исследование макроурбанистической образности позволит выявить механизмы создания образов различных городов, определить их функциональную нагрузку и степень участия в сюжетно-композиционных построениях художественного текста.

Литература

1. Вайль П.Л. Гений места / П.Л. Вайль. – М. : Астрель, 2011. – 448 с.
2. Венцлова Т. Путешествие из Петербурга в Стамбул / Т. Венцлова // Октябрь. – 1992. – № 9. – С. 170–177.
3. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. – 1984. – № 664. – С. 31–32.
4. Русов А.А. Город Гоголя / А.А. Русов // Нева. – 1990. – № 12. – С. 172–187.
5. Целкова Л.Н. Поэтика сюжета в романе Андрея Белого «Петербург» / Л.Н. Целкова // Филологические науки. – 1991. – № 2. – С. 11–20.
6. Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов. Ч. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М. : Наука, 1987. – С. 121–132.
7. Франк-Каменецкий И.Г. Отголоски представлений о матери-земли в библейской поэзии / И.Г. Франк-Каменский // Язык и литература. – 1932. – Т. 8. – С. 121–136.
8. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М. : Наука, 1978. – С. 491–531.

Иллюстративные источники

9. Conan Doyle A. The Adventures of Sherlock Holmes / A. Conan Doyle. – М. : Manager, 2001. – 256 p.
10. Galsworthy J. To Let / J. Galsworthy. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1954. – 308 p.
11. Galsworthy J. The Man of Property / J. Galsworthy. – М. : Foreign Languages Publishing House. – 440 p.
12. Priestley J.B. Angel Pavement / J.B. Priestley. – М. : Progress Publishers, 1974. – 504p.
13. Trevelyan G.M. Illustrated English. Social History: 3. – London : Longman, 1960. – 272 p.
14. Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays / V. Woolf. – М. : Rainbow, 1984 – 400 p.